Текст · 10 июня 2023, 13:35
Люк Могелсон,

Две недели в украинских окопах. Репортаж New Yorker о боях в Донбассе

Весной весь мир ждал начала украинского контрнаступления. Пока ВСУ готовили для него новые подразделения, оснащенные западной техникой, другие армейские части в тяжелейших условиях сдерживали российские войска в Донбассе. Корреспондент *New Yorker* Люк Могелсон провел две весенние недели вместе с бойцами 28-й отдельной механизированной бригады, которая осенью освобождала Херсон, а теперь воюет под Бахмутом. «Медиазона» публикует перевод его репортажа.

Солдаты на украинском фронте живут по принципу, который с каждым днем становится все более непоколебимым: хочешь выжить — копай! В середине марта я приехал на небольшую военную позицию на востоке Донбасса — ударные волны и осколки превратили окружавшие ее деревья в ободранные палки; земля разворочена артиллерией так, что невозможно отличить воронки от оврагов. Восемь пехотинцев заново отстраивали пулеметное гнездо, которое российские снаряды взорвали за неделю до этого вместе с их товарищем. Обрывок куртки, оставшийся после взрыва, висел на ветке высоко над нашими головами. Укрепленная бревнами землянка, где спали солдаты, была примерно полтора метра в глубину и в ширину. Заслышав подлетающий российский вертолет, все набились внутрь. От прямого попадания мины бревна обуглились, и

новые навалили прямо поверх старых, почерневших. Украинские солдаты часто применяют защитные сетки и камуфляж, чтобы их не заметили с дрона, но здесь эти уловки были уже ни к чему. Российские военные обнаружили позицию и собирались во что бы то ни стало ее уничтожить. Задача пехотинцев была проста: не уйти и не умереть.

С вертолета пустили несколько ракет — куда-то выше, над деревьями. Солдаты выбрались на поверхность, нашли свои лопаты и продолжили работу. У одного из них, с позывным Сява, не хватало переднего зуба, на поясе болтался длинный боевой нож. Остальные начали подкалывать его за такое неподходящее для современного индустриального конфликта оружие.

— Я вам после войны подарю, — сказал Сява.

— «После войны» — вот это оптимизм!

Все засмеялись. На фронте любой разговор о будущем или мечты о реальности, отличающейся от зловещего настоящего, отдают наивностью или высокомерием.

Термин *infantry* («пехота» по-английски) происходит от слова *infant* — «младенец». Пехотинцев низшего звена так начали называть в XVI веке. Пять веков спустя они остаются самой легко расходуемой частью армии. Но в Украине они же и самая необходимая ее часть. Сява и его товарищи служат в пехотном батальоне 28-й отдельной механизированной бригады, которая воюет без передышки больше года. Сначала бригада базировалась рядом с Одессой. В начале вторжения российские силы не смогли добраться туда из

Крыма, но захватили другой приморский город — Херсон. 28-я была в первых рядах кампании по его освобождению. Около полугода российские войска удерживали украинцев массированными ударами с земли и воздуха, масштаб потерь власти страны до сих пор держат в секрете. Наконец, в ноябре Россия отступила за реку Днепр. Потрепанная 28-я бригада одной из первых вошла в Херсон. Толпа встретила их как героев. Но прежде чем они успели прийти в себя, их послали на 500 километров к северо-востоку, в осажденный Бахмут, который стал ареной самых ожесточенных боев этой войны.

Батальон Сявы, в который входило около 600 солдат, поставили на краю деревни к югу от Бахмута. Деревню контролировала «ЧВК Вагнера». Натиск вагнеровцев-заключенных, которыми легко готово было пожертвовать их командование, потряс украинцев, так и не успевших пополнить ряды и запасы после Херсона. «Просто зомби какие-то, пушечное мясо. Сколько бы мы их ни убивали, они не кончались», — рассказывает про атаку вагнеровцев командир батальона, 39-летний подполковник Павло.

Всего через несколько недель батальон был близок к исчезновению: целые взводы гибли в перестрелках, около 70 солдат были окружены и убиты. Немногие выжившие, по словам одного из офицеров, «так устали, что от них не было никакой пользы». В январе то, что осталось от батальона, переправили из деревни на оборонительные позиции в рощах и полях в паре километров к западу. «"Вагнеры" надрали нам задницы», — говорит офицер.

Вскоре российские наемники ушли в Бахмут, и их заменили обычные солдаты, не столь многочисленные и не готовые массово жертвовать собой. Я присоединился к батальону примерно через два месяца после того, как они проиграли бой за деревню, и за это время стороны не проводили крупных операций. Все, что могли сделать украинцы, — сохранять патовую ситуацию. По оценке Павло, с учетом потерь, которые понес его отряд, 80 процентов солдат были новобранцами. «Это гражданские без опыта, — рассказывает он. — Из десяти хорошо если трое готовы сразу воевать».

Мы сидели в его бункере, который выкопан на заднем дворе полуразрушенного сельского дома. От постоянных разрывов снарядов земляные стенки вибрировали. «У новеньких часто просто не хватает закалки, чтобы быть здесь, — говорит Павло. — Им страшно, они впадают в панику». Он известен плохим характером, но о слабостях и страхах своих солдат Павло говорит с сочувствием. Даже он, профессиональный военный с 23-летним опытом за плечами, измучен этой фазой войны.

У дороги перед домом к дереву кто-то прибил дощечку со словами «На Москву» и стрелкой, указывающей на восток. Такой оптимизм выглядел как примета из другого времени.

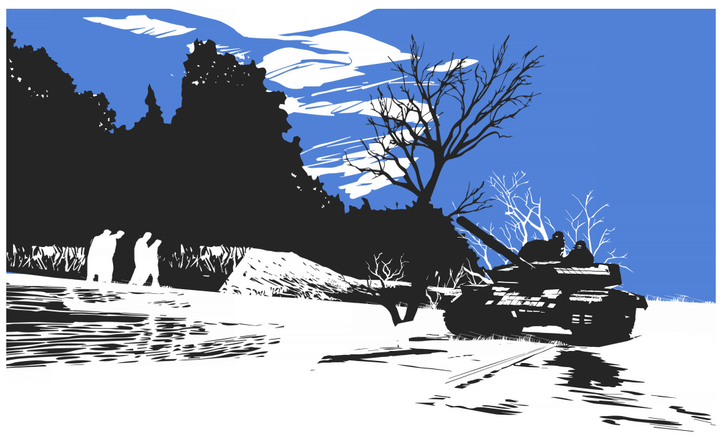

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

* * *

Из тех солдат, что занимались восстановлением пулеметного гнезда, только двое были с батальоном с Херсона. Один из них, 29-летний строитель, получивший благодаря могучей комплекции кличку Бизон, попадал в госпиталь три раза: пулевое ранение в плечо, осколки в щиколотке и колене, в спине и руке. Другой ветеран с позывным Одесса записался в армию в 2015-м, бросив институт. Коренастый и невысокий, он двигался с той же уверенностью, что Бизон. Оба мужчины прекрасно приспособились к жизни в условиях постоянной смертельной опасности, и это только подчеркивало нервозность новобранцев, дергавшихся каждый раз, когда что-то свистело над головой или падало неподалеку.

«Я доверяю только Бизону — сказал Одесса. — Но если новобранцы сбегут, для нас это смерть». Одесса потерял в Херсоне всех близких друзей. Он достает телефон и пролистывает фотографии: «Убит... убит... убит... убит... убит... убит... ранен... Мне надо привыкать к новым людям. Все сначала начинать».

Огромные боевые потери в первую очередь затронули самых смелых и воинственных солдат, феномен, который один из офицеров назвал «естественным отбором наоборот», так что опытные пехотинцы вроде Одессы и Бизона оказались невероятно ценными и невероятно редкими кадрами. После Херсона Одесса ушел в самоволку. «Мне было очень плохо психологически, — говорит он. — Нужна была передышка». После двух месяцев дома, отдохнув и восстановившись, он пришел назад. Не потому, что

боялся наказания — что, собственно, ему могли сделать? Отправить в окопы? А потому, что чувствовал вину перед погибшими друзьями. «Мне стало стыдно, — сказал он. — Я понял, что мое место здесь».

По землянке, где спали Бизон и Одесса, тоже все время стреляли, хотя она находилась почти в 400 метрах от «нулевой» линии — окопов, где пехота напрямую сталкивалась с российскими солдатами. Чтобы добраться до «нулевой» линии, сначала нужно было пересечь пустырь — весь в воронках от снарядов, где совы и фазаны иногда вылетают из редкого подлеска, — а потом идти вдоль змеящегося на восток заросшего оврага. Спальные помещения были устроены на крутом склоне, но овраг проходил сквозь меловую жилу, которая мешала копать. Некоторые солдаты прорубали белый известняк топорами, кто-то сооружал убежища из веток и мешков с песком.

Границы подконтрольной украинцам территории были помечены колючей проволокой. Ступеньки, выкопанные в овраге, вели к наблюдательному посту за откосом. Как-то утром в марте новобранец, которого я назову Артемом, стоял там, глядя в перископ. От точки, где он находился, заросли гниющих подсолнухов шли до границы леса, занятого российскими солдатами. Расстояние было несколько сотен метров.

Во время предыдущих поездок в Украину я, по сути, не сталкивался с российскими военными напрямую — для меня они были источником бомб, которые падают с неба. Было очень странно видеть, как невелико расстояние до российской боевой позиции

— получалось, если я смотрю на нее, то оттуда на меня, вполне возможно, смотрит российский солдат. Артему тоже было не по себе. «Мне здесь не место, — сказал он. — Я не солдат».

42-летний отец троих детей, Артем работал на зерновом элеваторе в небольшом фермерском хозяйстве в центральной Украине. Отцы троих детей по закону не подлежат призыву, но в декабре Артема вызвали в местный военкомат до того, как он закончил процедуру удочерения одной из своих дочек. Терапевт, узнав о травме черепа, которую Артем получил когда-то, катаясь на коньках, признал его негодным, но военкомат все равно отправил его в учебку. Военная подготовка заняла месяц и состояла из инструктажа и строевой подготовки — «теория всякая, практики ноль». Два раза Артема возили на полигон, где он сделал в общей сложности 30 выстрелов. Из учебки Артем попал в 28-ю бригаду, через день после зачисления в пехотный батальон Павло он уже был на «нулевой» линии.

«Первые пару недель я дико боялся, — говорит он. — Драпал при первом же выстреле». От оружейных залпов и взрывов у Артема начались мигрени, тревожность усилилась. Он провел здесь уже шесть недель и не то чтобы преодолел свой страх, но смирился с тем, что бежать особо некуда. В любом случае Артем настолько робок от природы, что представить, как он отражает российскую атаку, невозможно. «Я ненавижу оружие и насилие, — говорит он, распахнув глаза, словно до сих пор не верит в происходящее. — Я просто пытаюсь остаться в живых, пока меня не отпустят домой».

Через несколько минут после знакомства с Артемом граната, запущенная из РПГ, просвистела над подсолнуховым полем и сдетонировала в овраге. Застучала пулеметная очередь, пули защелкали по деревьям. Я пригнулся за баррикадой из мешков с песком, а старший сержант — такой же ветеран, как Бизон и Одесса, — крикнул подчиненным: «Все в порядке?».

Его позывной — Тында. У него аккуратная козлиная бородка и плотная панама с загнутыми вверх полями. Я провел с 28-й бригадой 12 дней и ни разу не видел, чтобы Тында, Одесса или Бизон надевали бронежилет или шлем. Я спросил у Бизона, почему так, и он ответил: «Если мне судьба умереть — умру». Такой фатализм свойственен пехоте, но иногда в нем кроется с боем добытая мудрость: ветераны настолько глубоко воспринимают звуковой фон войны, что на уровне инстинкта понимают, какой именно снаряд летит, откуда его запустили и куда он упадет. Я говорил с Бизоном на кромке поля, и он даже головы не повернул, когда два заряда взорвались посередине.

Пулемет продолжал строчить по оврагу, и Тында крикнул коренастому солдату, чтобы тот ответил из своего РПГ. Солдат водрузил оружие на плечо и запустил гранату, в нескольких метрах от Артема раздался оглушающий взрыв.

«Слишком высоко», — пожурил его Тында. И сказал кому-то по рации: «Надо пулеметом».

С российских позиций стреляли все интенсивнее, и Тында спросил: «РПГ у кого?». Но никто не ответил. Коренастый солдат ушел на другую позицию.

Раздраженно фыркнув, Тында снял свою панаму, положил ее на мешок с песком, принес гранатомет и выстрелил из него сам.

Несколько новобранцев спрятались за баррикадой. Тында приказал им вырыть окоп на гребне неподалеку. Новобранцы начали подниматься по простреливаемой тропинке, и он заорал: «Не туда!».

У него был автомат Калашникова с подствольным гранатометом. Он подошел вплотную к колючей проволоке, навел оружие под большим углом и запустил гранату. В этот момент более тихий, но не менее опасный звук прорезался сквозь какофонию: слабое жужжание дрона, нависшего прямо над нами.

— Он со взрывчаткой? — спросил один из солдат.

— Да хуй его знает!

Тында выстрелил вверх, но по дрону не попал, и когда тот сдвинулся к гребню, Тында присоединился к своим товарищам в окопе. Я последовал его примеру, как и фотограф Максим Дондюк, с которым мы работали. Когда мы добрались до середины склона, свист пуль заставил нас упасть на живот и ползти.

Публикация в Instagram

Instagram

Maxim Dondyuk on Instagram: "If you want to live, dig - the infantrymen's maxim. "UNDERWORLD" - the story we worked on with Luke Mogelson for The New Yorker. Luke and I spent two weeks in the trenches near Bakhmut, where infantrymen face unrelenting horrors, from missiles to grenades to helicopter fire. "...shock waves and shrapnel had reduced the surrounding trees to splintered canes. Artillery had churned up so much earth that you could no longer

distinguish between craters and the natural topography.” The story has already appeared online and will in print on May 29, 2023. I’m thankful to Pavlo (call sign Cranky), the battalion’s commander for giving us a chance to live and experience the life of infantrymen. And great kudos to the infantrymen of the 1st battalion of the 28th Separate Mechanized Brigade, and to all the soldiers on the front, who fight furiously without any stop. Also big thanks to @newyorkermag and @katzandrew and Luke Mogelson for an amazing collaboration."

2,374 likes, 24 comments - maximdondyuk on May 23, 2023: "If you want to live, dig - the infantrymen’s maxim. “UNDERWORLD” - the story we worked on with Luke Mogelson for The New Yorker. Luke and I spent two weeks in the trenches near Bakhmut, where infantrymen face unrelenting horrors, from missiles to grenades to helicopter fire. “...shock waves and shrapnel had reduced the surrounding trees to splintered canes. Artillery had churned up so much earth that you could no longer distinguish between craters and the natural topography.” The story has already appeared online and will in print on May 29, 2023. I’m thankful to Pavlo (call sign Cranky), the battalion’s commander for giving us a chance to live and experience the life of infantrymen. And great kudos to the infantrymen of the 1st battalion of the 28th Separate Mechanized Brigade, and to all the soldiers on the front, who fight furiously without any stop. Also big thanks to @newyorkermag and @katzandrew and Luke Mogelson for an amazing collaboration.".

https://www.instagram.com/maximdondyuk/p/CsmAJBetINN/

Окоп был еще не закончен: надо было приседать и пригибаться к земле, чтобы не попасть в прицел снайперу. Когда я подходил к укреплениям за пару часов до этого, солдаты усердно копали. Теперь они отстреливались. Опять засвистело над головой. Коренастый солдат сидел на корточках рядом с пулеметчиком, который смотрел через подсолнуховое поле, положив ствол пулемета на бревно.

— Видишь их? — спросил солдат.

— Нет, — ответил пулеметчик. По рации ему сообщили, что к первому дрону присоединился второй.

— Принято.

Оба дрона кружились над нами, как пара ястребов — два черных силуэта на синем. Пулеметчик развернул дуло почти вертикально и дал залп, но оружие было слишком громоздким. Я радовался, что окоп такой узкий, хотя сначала мне показалось, что это неудобно. Проход был настолько тесным, что если кто-то шел тебе навстречу, надо было прижаться к стене, так что голова оказывалась над окопом. Но это было сделано специально: чем шире окоп, тем больше шансов, что туда попадет снаряд или его осколки.

От одного из дронов отделилась граната. В паре метров от нас взметнулась земля. Зажатый между стенками окопа, я почти не почувствовал взрыва.

Обстрел закончился так же внезапно, как начался. Дроны, у которых заряда хватает примерно на полчаса, вернулись к своим пилотам на российские позиции. Украинцы опустили оружие и взялись за лопаты. Я вспомнил про Артема. Он все еще был на посту, смотрел в перископ.

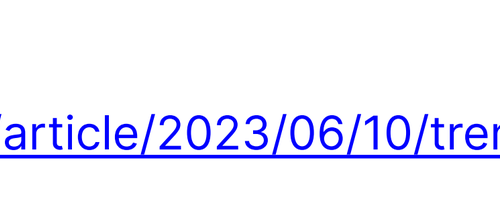

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

* * *

Пока Тында и его отряд сражались из окопа, с другой позиции украинцев, на холме позади нас, дали мощные залпы. Позже я дошел туда с Тындой. В блиндаже с видом на ничейную землю стояло поразительно древнее устройство на железных колесах — пулемет Максима, один из первых в истории примеров полностью автоматического оружия. Хотя конкретно эту модель сделали в 1945-м, она практически не отличалась от оригинальной версии 1884 года: рычаг с набалдашником, деревянные рукоятки, отделение с крышкой, куда надо заливать холодную воду или класть снег, когда ствол перегревается. Управлял этим агрегатом поджарый парень, похожий на футбольного фаната, с вытатуированным на костяшках кастетом. Про пулемет он говорил так же, как автолюбитель рассказывал бы про винтажный «мустанг».

За прошедший год США выделили Украине десятки миллиардов долларов военной помощи. Почему же, несмотря на эту щедрость, 28-я бригада использовала такое старье? Огромная часть военной техники была повреждена или уничтожена на поле боя. В то же время Украина, похоже, отказалась от идеи доукомплектовывать ослабленные войска и решила припасти оружие для контрнаступления. Как минимум восемь бригад были созданы с нуля, чтобы встать во главе этой кампании. И пока эти новые формирования получают оружие, танки и тренинги от США и Европы, ветераны вроде солдат 28-й бригады должны держать оборону остатками уже имеющегося арсенала. В декабре, когда батальон Павло разносили вагнеровцы, главнокомандующий ВСУ Валерий Залужный сказал в интервью *Economist*: «Да простят меня солдаты в окопах, но сейчас важнее

сосредоточиться на накапливании ресурсов для более затяжных и тяжелых боев, которые могут начаться в следующем году».

Самым передовым и дорогостоящим вкладом США в боевые действия стали дальнобойные гаубицы и ракетные системы, действующие из тыла. Но пехота на фронте полагается на устаревшие дульнозарядные минометы, к которым к тому же почти не осталось боеприпасов. Майор, отвечающий за артиллерию в батальоне Павло, сказал мне, что в Херсоне его минометные отряды выпускали по 300 зарядов в день, а сейчас можно использовать только пять в день. У российских войск этот показатель в среднем в десять раз выше.

Чтобы как-то компенсировать разницу, батальон использует советский противотанковый гранатомет СПГ-9. За это орудие отвечает сержант с позывным Кабан. Ему 42, и он пошел воевать еще в 2015-м, когда Россия впервые посягнула на Донбасс. У Кабана седеющая борода, лысина и проблемы с ногами — он недавно порвал оба мениска. И тем не менее он полностью соответствует своей кличке — жесткий и готовый к драке.

Когда Кабан рассказал мне, что у него есть 18-летний сын, я решил, что они оба служат. Я встречал в батальоне других отцов, чьи сыновья тоже в армии. Но Кабан, несмотря на преданность военному делу, отправил сына в Германию. «Я ему сказал: вернешься — убью, — объяснил он. — Мы все знаем, что умрем тут».

Кабан сказал это в присутствии своего подчиненного с позывным Кадет, которому недавно исполнилось 19. Я спросил Кабана, каково это, когда у тебя под началом ровесник сына. «Как отцовство», — ответил Кабан.

Мы были в землянке, которую Кабан с Кадетом делили с третьим мужчиной, новобранцем лет тридцати, молча сидевшим в углу. Это убежище было значительно более просторным, чем то, где спали Сява, Одесса и Бизон, но все равно клаустрофобичное. Самое главное в землянке — это крыша. Бревна подвозят на грузовиках как можно ближе к линии фронта, потом солдаты переносят их к окопам. Правильная крыша устроена так: три слоя бревен внахлест, сверху метровый слой земли — так толщина будет больше, чем может пробить снаряд за миллисекунду между попаданием и детонацией. Железнодорожные шпалы служат столбами. Землянка должна быть достаточно глубокой, чтобы ее верхушка чуть-чуть выпирала над поверхностью: все, что ты видишь снаружи, — это ступеньки, спускающиеся к двери под землей. Во многих землянках, где я побывал, стоит чугунная плита с трубой, которая выходит наружу. Интерьеры чуть дальше от передовой могут быть сравнительно уютными: на полу палеты, стоят двухъярусные кровати с лесенками, есть полки и крючки для одежды, стены обиты крышками от ящиков с боеприпасами. Майор, отвечающий за артиллерию, принес в свою землянку складной садовый стул и стеклянный кальян. Командный бункер Павло украшен детскими рисунками, на одном из них — человечек с нацарапанной на голове раной и подписью: «Путин».

Ближе к «нулевой» линии землянки меньше и грубее. Жилище Кабана было еле освещено светодиодной гирляндой, заряжающейся от автомобильного аккумулятора. Траншея вела от входа к сложенному из бревен брустверу, под которым спрятали от

российских дронов СПГ-9. Оружие так себе — ветхий гранатомет на треноге. Спусковой механизм сломан. Чтобы запустить снаряд, Кабан перочинным ножиком вскрывал пороховой заряд, соединял два провода в его основании, и через обычный кабель соединял их с петлей из медной проволоки, которая была примотана к стволу изолентой. Когда нужно было стрелять, вместе с Кадетом они вытаскивали СПГ-9 на поверхность, Кадет прицеливался и делал выстрел. А потом они спешно возвращались в землянку, пока их не обнаружили российские дроны или артиллерия.

Примерно в 7:30 команде сообщили, что россияне готовятся к атаке. На ничейной земле была замечена машина разминирования.

— Ну, нам терять нечего, — сказал Кадет.

— Я вообще-то надеялся, что ты успеешь жениться и я трахну кого-нибудь на твоей свадьбе, — ответил Кабан.

Новобранец нервно постучал по плите. Внезапно до меня дошло, насколько уязвимой и изолированной была позиция. У других землянок на линии фронта был доступ к спутникам *Starlink*, которые позволяли напрямую общаться с командованием батальона. У Кабана был только переносной роутер, работающий от симки с прерывающейся связью. Молодой офицер держал с Кабаном связь с помощью голосовых в *Signal*.

«Я подежурю, — сказал Кабан. — Не паникуйте».

Если их позицию захватят, сказал мне Кабан, он в плен не сдастся. За несколько недель до этого соцсети обошло видео, где российские солдаты под Бахмутом стреляют в украинского пленного со словами: «Сдохни, сука». В другом видео, тоже из Донбасса, российские солдаты кастрируют пленника канцелярским ножом. Уже после моего знакомства с Кабаном в сети появилось видео, на котором украинского пленника обезглавливают, а он кричит и корчится от боли. «В лучшем случае они нас расстреляют», — говорит Кабан.

Перед выходом из землянки Кабан получил еще одно сообщение от офицера. Им с Кадетом поручили стрелять из СПГ-9 каждый час до рассвета. В боковом кармане у Кабана планшет со спутниковой картой, где обозначены десятки целей: российские бункеры, окопы, наблюдательные посты, которые засекли украинские дроны. «Очень важно регулярно по ним бить, — сказал офицер. — Там все кишит пехотой».

Кабан и Кадет улыбались.

«Ну, погнали», — сказал Кабан.

Луна и звезды скрылись за облаками. В начале войны у батальона было 75 приборов ночного видения, но многие были потеряны в бою, когда их хозяев убивали или ранили. Кабану и Кадету приходилось использовать красные лампочки в головных фонарях, чтобы двигаться в темноте. Приложение на планшете высчитывало координаты их орудия и цели, анализировало метеорологические данные и затем показывало Кадету, как высоко и под каким углом надо развернуть ствол.

Когда он попытался выстрелить, раздался глухой щелчок — осечка. Кабан вылез из окопа, повозился с проводами. На этот раз орудие издало оглушительный хлопок и в небо взметнулся огонь. Неясно, что было хуже — невозможность увидеть, что происходит, или то, что стало видно нас.

Как только мы вернулись в землянку — в ушах звенело, сердце колотилось, в ноздрях запах опаленного порохом металла, — Кадет закурил ментоловый «мальборо» и начал играть на телефоне. Позже я понял, что это его обычное поведение после боя. Он пошел в армию на следующий день после своего 18-летия, через четыре дня после начала вторжения. У него еще не росла борода, не до конца сломался голос, а лицо было круглое, слегка одутловатое, подростковое.

Как настоящее дитя войны Кадет, похоже, не успел развить инстинкт самосохранения. Он вырос в деревне — его семья разводила свиней и кур. В армии из-за возраста его сначала отправили в резерв, солдаты из его роты должны были заменять раненых и погибших в других подразделениях. Из 28 его

товарищей по взводу в живых, насколько он знал, осталось двое. Он утверждал, что стрелял из СПГ-9 больше тысячи раз и убил «не одного, а многих». Он выкуривал по 2-3 пачки в день. Чтобы переходить из землянки на бруствер, Кадет окопом не пользовался. Он ловко пробирался по темному лесу, перепрыгивая через откосы и ямы, не обремененный шлемом или бронежилетом. После выполнения очередной огневой задачи в районе 2 часов ночи он включил обычный фонарик вместо красного головного. Когда они с Кабаном вернулись в землянку, тот его пнул:

— Ты охуел совсем?

— Я забыл, — пробормотал Кадет угрюмо, как школьник, не сделавший домашку.

Хотя Кабан и говорил, что испытывает к Кадету отцовские чувства, я задумался, восхищался он или возмущался тем фактом, что тот не уехал в Германию, как его родной сын. Позже Кабан развлекал нас историями о своих былых любовных победах, и фотограф Дондюк спросил, учит ли он Кадета, как нужно обращаться с женщинами.

«А смысл? — сказал Кабан. — Жить ему недолго осталось».

Кадет засмеялся. Кабан — нет.

Так вышло, что девушка Кадета была одной из тех, кто бежал в Германию. Он нашел ее в *TikTok*, и они общались, когда позволял вайфай в землянке. Лично они не встречались ни разу. «Мы надеемся, что летом война кончится, — сказал Кадет. — Тогда она

вернется, и посмотрим». Кабан прервал его рассказ и велел копать. Как и Сява, пошутивший, что отдаст свой боевой нож после войны, Кадет позволил себе вообразить мирное будущее.

Снаружи запели птицы — вставало солнце. Возможно, благодаря усилиям Кабана и Кадета российская атака не состоялась. «Я тоже сейчас лопату возьму», — смягчился Кабан.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

* * *

24 февраля 2022 года Владимир Зеленский объявил в Украине всеобщую мобилизацию для мужчин от 18 до 60 лет. Гражданские всех мастей отправились в военкоматы, готовые драться. Многие днями ждали своей очереди, чтобы услышать, что пока новые солдаты не нужны. Сегодня народ по-прежнему хочет сопротивления, а не переговоров, но, как и в любой войне, основные жертвы приносят более бедные слои населения. Почти все новобранцы, которых я встречал в окопах, работали руками — это крестьяне, плотники, строители, портовые рабочие, сантехники — и количество историй об украинцах которые избежали призыва благодаря взяткам и блату, растет. «В начале войны в пехоте встречались люди из привилегированных слоев, — сказал мне один ветеран. — Но уже год прошел, конца и края этому не видно, шансов помереть больше, и все ужасно устали.

Теперь большинство новобранцев попадают сюда по призыву».

Чем больше новобранцев — и, соответственно, меньше профессиональных солдат, — тем больше ответственности на офицерах, которых тоже не хватает. Лейтенанты и капитаны, которым традиционно достаются административные задачи, сейчас воюют на передовой. У офицера, который направлял Кабана по *Signal*, позывной Волыняка, ему 30 и он похож на бодрого игрока из школьной команды по американскому футболу. Он отвечает не только за команду СПГ-9, но и за оставшиеся у батальона боевые машины (те, что уцелели после обстрелов). Одна из машин — очередной советский антиквариат, БРМ[1]. У нее есть гусеницы и пушка,

но не хватает брони, чтобы считаться танком: из-за неспособности выдерживать прямые попадания БРМ получил мрачное прозвище «Железный гроб». Когда Волыняка объявил, что набирает экипаж, даже Кадет заартачился: «Я видел, как в таком люди заживо сгорают, — сказал он. — Одно попадание из РПГ или миномета — и привет».

Волыняка вместе с водителем и артиллеристом заняли пустующий дом из красного кирпича в Константиновке, самом близком к «нулевой» линии городке, где все еще оставались гражданские. Дважды в день трое мужчин привозили БРМ на поле позади окопов, выпускали 15-20 снарядов и возвращались на базу. (Машина была слишком заметной, чтобы подходить ближе к линии фронта.) Когда я в первый раз присоединился к ним в этой вылазке, я сидел за артиллеристом. Он стоял в открытом люке, удивительно субтильный, в черной толстовке,

черной шапочке, черных штанах с карманами, черных ботинках, черных очках и черной шейной повязке с черепом, которую он натянул на лицо. Когда мы вернулись в Константиновку, он снял повязку. Его кличка была Дарвин, и он был ровесником Кадета. Лицо у него было такое же не до конца повзрослевшее.

Дарвин носил все черное, потому что форма в любом случае приобретала этот цвет после пары дней работы с БРМ. «Так я не чувствую себя настолько грязным», — объяснил он. Он из Херсона, где жил с родителями до вторжения. Через два месяца после начала российской оккупации он эвакуировался вместе с другими взрослыми, притворившись их несовершеннолетним сыном. Пройдя девять российских КПП, он смог добраться до Одессы, где присоединился к 28-й бригаде.

Комплекция Дарвина очень подходила для работы в БРМ — узком гнезде со шлангами, трубами, рычагами и прочими механизмами. Волыняка, наоборот, был слишком широк в кости и мускулист, чтобы протиснуться в люк в бронежилете. Над приборной доской с переключателями и индикаторами висели четки, и когда мы проезжали белую церковь недалеко от Константиновки, я заметил, что Волыняка перекрестился. Я спросил, стал ли он из-за войны более религиозным. «Наоборот, — ответил он. — Я стал сомневаться в том, что Бог существует».

Но чтобы просить Бога о защите, верить в него необязательно. Непредсказуемость и внезапность российских обстрелов сделала солдат суеверными. Талисманы были у всех. 23-летний водитель БРМ усадил «вторым пилотом» тряпичную куклу.

Командир батальона Павло носил в кармане американский доллар. За семь лет войны в Донбассе у него не было ни одного амулета, но после Херсона и Бахмута он передумал. «Нам позарез нужна удача», — сказал он мне.

Когда я во второй раз оказался в БРМ, мы проехали мимо пожилой женщины с палочкой. Я обернулся и увидел, что она благословляла экипаж. Для Константиновки такой жест был редкостью. Хотя в других частях Украины люди почти всегда махали или вскидывали кулак вслед военной технике, отправляющейся на фронт, здесь большинство гражданских отводили глаза. По словам Волыняки, «почти все» из тех немногих жителей, которые не покинули город, были настроены пророссийски. Продавец в местном магазине сказал ему: «Вы нам тут не нужны». Я спросил, влияет ли такая враждебность на его желание продолжать борьбу. Он помотал головой: «Я знаю, что это моя земля. Почему меня должно волновать их мнение?»

Многие солдаты 28-й бригады жили в сельских районах, и земля для них — не абстрактное понятие. В окопах несколько пехотинцев кивали на темно-коричневые земляные стены с мозаикой светлых здоровых корней и спрашивали, может ли американская почва сравниться с украинской по богатству и плодородности. И то, что эта земля сейчас защищала их от ран и смерти, только укрепляло их чувство. Они стали видом, который выбрал норы, чтобы избежать хищников. На «нулевой» линии воды хватало только для питья, и обломанные ногти и покрытые мозолями руки так пропитались землей, что, казалось, она стала их частью.

На закате солдат во дворе красного кирпичного дома делал лопатой желобки и сажал туда семена гороха. «Вот за что мы воюем, — закатав рукава, сказал он. — Мы любим эту землю». Ему было 47, до войны он работал на стройке, а сейчас его задачей было увеличить дальность снарядов БРМ, разобрав их с помощью разводного ключа и вынув деталь, которая заставляла снаряд взрываться на определенном расстоянии. В свободное время он занимался грядками, надеясь, что семена дадут всходы к возвращению хозяев дома.

* * *

Дарвин, направлявший орудийную башню БРМ, натянул тетиву воображаемого лука и выпустил воображаемую стрелу в сторону российских позиций. Позже он рассказал мне, что в любимой игре *Skyrim* он чаще всего выбирает аватар лучника. На его предплечье была татуировка GROVE ST 4 LIFE[2],

отсылающая к игре *Grand Theft Auto*. Он планировал, когда сеть позволит, загрузить себе на телефон *World of Tanks*.

Ни Дарвин, ни Волыняка, ни водитель БРМ не были изначально обучены обращению с машиной. Они разобрались, как она работает так же, как Кабан и Кадет научились замыкать провода в СПГ-9 — поискав информацию в сети. Но у этого уровня цифровой грамотности была и опасная сторона. Через два дня после того, как я встретился с экипажем БРМ, 28-я бригада решила попытаться продвинуться по ничейной земле. Прямо перед атакой юный член бригады запостил видео со своими товарищами, где сообщил: «Мы сейчас атакуем». К тому моменту, как видео удалили, у него уже было 11 тысяч просмотров.

На следующее утро мы отправились в заброшенную деревню, где базировался один из медицинских взводов бригады. Врачи не спали всю ночь, готовясь к атаке, которую, судя по всему, отменили. Тем не менее сквозь деревню проезжало больше украинской техники, чем обычно. Эта активность вызвала слухи, что видео могли запостить специально, чтобы отвлечь российские войска от какой-то другой точки под Бахмутом. Учитывая, как обе стороны манипулируют информацией, понять, что из этого реальность, а что — военная хитрость, очень непросто. «Лучше про это не думать», — посоветовал медик.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Пять медицинских бригад работало посменно круглые сутки. Дежурная бригада базировалась в крытом дерном погребе на заброшенной зерновой ферме. Владелец написал баллончиком на воротах амбара «не ломайте замки». Замки были сломаны. Внутри был *M113*, американский бронетранспортер времен Войны во Вьетнаме. Он выглядел как зеленая металлическая коробка на гусеничном ходу: у него не было пушки, а алюминиевая броня могла в лучшем случае отражать пули. Водитель Кирило, заикающийся мужчина средних лет, вырос в деревне, работая вместе с отцом на тракторах и комбайнах. Ничего похожего на руководство по управлению *M113* он не видел. «Я могу водить что угодно, был бы мотор, — сказал он. — Машина — она и есть машина, тут не надо быть гением».

Еще в команду входили врач и диспетчер. Врач, 47-летняя Леонора, у которой уже есть внуки, была единственной женщиной, которую я встретил в 28-й бригаде. Перед тем, как пойти в армию, она десять лет проработала медсестрой в отделении травматологии. Она пошла служить в 2019 году, когда муж переехал во Францию без нее, и сейчас была в звании сержанта. У нее были седые волосы и глаза-щелочки, которые почти закрывались, когда она улыбалась. Именно это она и сделала, когда я спросил, каково ей, что вокруг все время мужчины, да к тому же пехотинцы.

«Я привыкла, — сказала Леонора. — Мне все равно».

Мы завтракали хлебом с «нутеллой», когда по радио вызвали медбригаду на Нижнюю базу — кодовое название позиции в окопах.

«Черт, — сказал диспетчер. — Там опасно».

Кирило уже заводил *Мiiз*. Он выехал из амбара — с обеих сторон до ворот было по паре сантиметров. Он откинул дверцу, и мы с Леонорой и Дондюком залезли внутрь. Две пары тканевых носилок с пятнами крови были прислонены к деревянным ящикам из-под боеприпасов. Леонора схватилась обеими руками за петли на потолке, и Кирило погнал в сторону фронта. Во время эвакуаций он ездил на предельной скорости — машина ревела, как блендер, набитый вилками.

Леонора пребывала в подобии медитации — она как будто не слышала какофонии, глубоко вдыхала и медленно выдыхала через нос. Примерно через пять минут Кирило остановился. Леонора встала, высунула голову из люка в крыше и сказала в рацию: «Мы на Нижней. Ждем».

Засвистели пули. «Вот суки», — сказала Леонора и села обратно. Кирило подвинул *Мiiз* на несколько метров. Изнутри мы не видели — куда точно и что происходит. Леонора опять попробовала связаться с кем-нибудь по рации.

— Тишина, — сообщила она.

— Куда нам теперь? — спросил Кирило.

Раздались выстрелы из стрелкового оружия, потом залп, напоминающий РПГ. Выглянув из своего люка, Кирило то ли услышал, то ли увидел дрон:

— Бля, над нами птичка.

— Мы ждем на Нижней, — повторила Леонора в рацию.

После второго залпа из РПГ она сказала Кирило:

— Не могу ни с кем связаться.

Были слышны длинные пулеметные очереди, а потом все затряслось от взрывов, восемь подряд. Кирило нервничал, что, если по нам попадет, машина может загореться:

— Может, дверь открыть?

— Погоди пока, — сказала Леонора. — Пули могут сюда срикошетить.

— Не попадут.

Дондюк спросил Кирило, не беспокоит ли его, что мы можем оказаться в ловушке.

— Да, — ответил тот. — Так уже бывало.

Несколько минут спустя Леонора выяснила, что мужчина, которого надо было вывезти, находится на другой позиции, неподалеку. Когда мы приехали, Кирило откинул дверцу. Мы были на поле. Солдат с перемазанным грязью лицом вышел из-за деревьев, поддерживая раненого в грудь мужчину.

— Давайте сюда, — крикнул солдат. — Скорее!

Раненый был из штурмовой группы, которая только что захватила российский окоп. В солдата попал осколок. Его лоб был в крови, но товарищи уже

залепили ему рану на груди пластырем, так что помощь Леоноры была почти не нужна. Садясь в *MII3*-, Мужчина скривился от боли и оперся на второго солдата, который прижал его к себе. Кирило рванул с места, пыль и обломки полетели в открытые люки.

В паре километров от окопов находился пункт приема раненых — пыльный перекресток, заполненный бронетранспортерами, на одном из них сверху была закреплена двуствольная зенитная установка. Медики вытаскивали человека, который не мог идти сам, из узкого корпуса БТР. Леонора передала коллегам раненого солдата, и Кирило повез нас обратно на ферму. Я так и не узнал, была ли эта атака более слабой версией отменившегося из-за видео нападения или видео было способом отвлечь противника от атаки.

В погребе лежали недоеденные куски хлеба. Я спросил Леонору, что она делала, когда мы только выехали с фермы — молилась? Не совсем, сказала она. Она занималась визуализацией: направляла позитивную энергию, чтобы получить желаемый исход. «Я думаю о солдате, чтобы защитить его, пока я не приехала», — сказала она. И вышла покурить в ожидании следующего вызова.

* * *

На следующий день я получил сообщение от Одессы, солдата, который уходил в самоволку. Он был в Константиновке. Каждую неделю мужчины приходили в город помыться и постираться, поесть горячую еду и забрать почту. Мы встретились на парковке у почты, ко входу тянулась очередь из солдат.

(По почте часто приходили посылки из дома. Пока я был с 28-й бригадой, один пехотинец получил торт «Наполеон», который ему испекла мама, а другой — две бутылки самогона от дяди.) Когда я рассказал Одессе про раненого солдата, он сказал, что, насколько он понял, штурмовая группа убила несколько российских солдат. Я спросил, как дела у него на позиции. «Как обычно», — ответил он.

Мытый и бритый Одесса выглядел другим человеком. Но походы в Константиновку обычно длились всего несколько часов. Большинству ветеранов за этот год дали по одному отпуску — обычно на полторы недели. Волыняка воспользовался этой передышкой, чтобы жениться на своей девушке. Одесса сказал, что в следующий раз, когда его отпустят домой, он тоже женится — на женщине, которая забеременела от него, пока он был в самоволке. «Так у меня есть причина остаться в живых», — сказал он.

В отличие от американских солдат на любой войне, которую США вели после Второй мировой, украинцы не подписывают контракт на определенный срок и не отправляются воевать на ограниченное количество времени. Они обязаны быть на фронте столько, сколько понадобится. Как сказал мне один офицер, «домой можно вернуться с победой, без ноги или мертвым». Четвертый способ — дезертирство: «Иногда они возвращаются, а иногда — нет».

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

В январе Зеленский подписал указ, который увеличивает максимальное наказание за дезертирство до 12 лет. Неизвестно, сколько украинцев приговорили к такому сроку, но одна из причин, по которой этот закон, возможно, не так просто применить, — это то, что офицеры не торопятся называть нарушителей. Командующий взводом Одессы, старший лейтенант по имени Иван, сказал мне, что ему было жалко новобранцев. Как и Павло, он винил в их ошибках плохую подготовку. Один из его солдат, как он рассказал, «просто шел по улице, к нему подошли и притащили в военкомат. И через два дня он уже был в нашей бригаде».

Иван не обиделся на Одессу за самоволку. Все «старики» выгорели, как объяснил лейтенант, — и он в том числе. «Я устал, — говорит он. — Мне просто нужно три месяца отдохнуть. После этого я готов буду вернуться в строй».

Мы оказались на позиции Одессы через пару дней после нашей встречи у почты. Обстрелы еще больше разворотили землю, упало еще больше деревьев, а те, что остались стоять, были поломаны. Солдаты продолжали строить пулеметное гнездо вместо того, в котором погиб их товарищ. Один из медиков, с которыми я познакомился, сказал, что он приехал после того удара. И впервые увидел, как осколок отделяет голову от тела.

Иван хотел, чтобы его солдаты продолжили рыть окопы. «Шансы сдохнуть, если ты не в окопе, гораздо выше, — распекал он их. — Я орать на вас не буду, просто поясняю».

В отличие от призывников, лейтенант был хорошо экипирован — в высококачественном бронежилете, шумоподавляющих наушниках, легкой пуленепробиваемой каске и с новенькой винтовкой, украшенной наклейкой с Принцессой Единорогов, которую ему подарила дочь. Большую часть снаряжения он купил сам. Иван ходил на курсы офицеров запаса, свободно говорил по-английски и носил повязку с магендовидом, которую ему прислал друг из Израиля. Когда я спросил его, насколько он был на своем месте в пехоте, он ответил так же, как и все остальные: «Неважно, солдат ты, сержант или командир — ты точно не хочешь оказаться в пехоте». Уже после моего отъезда из Украины Иван присоединился к команде разведки беспилотниками и прислал мне сообщение, что он «счастливый ублюдок».

Возле пулеметного гнезда подчиненные Ивана устало слушали его ворчание. «Хорошо, — сказал ему Сява. — Мы будем копать». Он был на ногах с двух часов ночи, проснулся от авиаудара. Все выглядели осунувшимся и сонными. Усталость делает тебя беспечным — как и привычка. Когда очередной обстрел загнал нас в землянку, я узнал 43-летнего плотника, с которым познакомился за десять дней до этого. Тогда он только прибыл на фронт и явно был напуган и растерян. Теперь грохот разрывов впечатлял его не больше, чем Сяву. Когда я отметил это, он сказал: «Ну, я был гражданским». Как будто речь шла о далекой и уже не актуальной главе его жизни.

Несмотря на общую апатию и вялость, в воздухе чувствовалась животная настороженность. Никто не отходил от землянки больше, чем на пару шагов,

и напряженное ожидание следующего российского обстрела напоминало о спринтерах, застывших перед сигналом стартового пистолета.

В обед кто-то выковыривал вилками мясо из консервных банок, кто-то раскрывал упаковки с подсохшими рулетами с вареньем. Плотник недавно первый раз побывал в Константиновке и вернулся с коробкой шоколадных булочек, чтобы отметить 13-летие сына. Землянка была такой тесной, что солдаты лежали плечом к плечу, а их верхняя одежда осталась снаружи. Взрыв спалил Сявину зимнюю куртку. Повсюду валялись еда и мусор, и это привлекало мышей. Дальний конец позиции покрывали фекалии и мокрая туалетная бумага. Никто не хотел умереть, закапывая свое дерьмо.

Когда пулеметная очередь прострочила деревья и мы опять впихнулись в землянку, Сява пожаловался:

— Носками воняет.

— Чьи носки? — спросил другой солдат.

— Левины, небось, — сказал Сява.

— А чего он?

— У него ноги пахнут.

Вскоре Леву госпитализировали с туберкулезом. Неясно, где и когда он заболел, но в такой антисанитарии вирусы размножаются стремительно. Услышав, как один из солдат рассказывает мне, что болен, сержант перебил его: «Мы все тут болеем».

* * *

Длинная тропинка от Сявиной землянки к убежищу Ивана змеилась вокруг воронок, обложенных сухостоем, чтобы солдаты не упали туда в темноте. Батальон ушел из захваченной вагнеровцами деревни, когда грунт был еще мерзлым и это мешало им копать. Землянку Ивана устроили, взорвав несколько противотанковых мин и затем выровняв стенки лопатами. Теперь несколько пехотинцев работали над системой узких канальчиков, выходящих из бункера, чтобы его не затопило во время дождя.

Землянку Иван делил со своим начальником, 40-летним командиром роты по прозвищу Опер. Бывший следователь не случайно волновался за сухость своего жилища. В Херсоне из-за непрекращающихся обстрелов его людям не удалось построить нормальные укрытия, и они спали прямо на земле. Опер подхватил бактериальную инфекцию, которая распространилась по коже и усугублялась прожорливыми блохами. Месяцами его мучали открытые язвы, которые он постоянно расчесывал. «Чуть заживо не сгнил», — рассказывает он, доставая телефон и показывая мне фотографии своего испещренного гнойниками тела. Теперь он постоянно кутался: тонкий пуховик, сверху

британская армейская куртка, немецкое армейское пончо и еще балаклава. Всклокоченная борода и кустистые брови в сочетании с зимней экипировкой придавали ему вид исследователя-полярника.

Пока мы сидели в землянке, командир батальона Павло сообщил Оперу в *Signal*, что русские планируют «гулянку», то есть тяжелую бомбардировку — возможно, в отместку за нападение на их окоп, а может, чтобы прозондировать почву перед собственной атакой. «Будь готов», — сказал Павло.

«Гулянка» не заставила себя ждать. От близких разрывов прогибалась бревенчатая крыша. Мина вырвала дверь с яркой вспышкой. Точные повторяющиеся удары навели Ивана и Опера на мысль, что противник понял, где находится командный пост.

— Может, дрон увидел старлинковский спутник, — сказал Иван. — Или наш сортир. Он явно офицерский. Туалет представлял собой яму, достаточно глубокую, чтобы можно было присесть без опаски.

— Могли увидеть, что сюда подвозят людей, — сказал Опер. — Они не идиоты.

Иван выудил пирожное из съестных припасов:

— Поем сладенького перед смертью.

— Если ты помирать собрался, иди на хуй отсюда, — сказал Опер.

Все пехотинцы шутили, чтобы справиться с чувством полнейшей беспомощности во время обстрелов, но у Опера было непревзойденное чувство юмора. Во время «гулянки» он травил один похабный анекдот за другим, расчесывая бороду пальцами и терпеливо выдерживая паузу перед кульминацией.

Для пехоты моральный дух не менее важен, чем боеприпасы. В первый день, пока я был на «нулевой» линии, в бригаду приезжал «армейский психолог». Диплома у него не было, его роль сводилась к тому, чтобы идентифицировать солдат, которые не могут побороть страх и «выйти из оцепенения». Он объяснил: «Я стараюсь донести до них, что нужно слушаться приказов. И если это не срабатывает, мы их отправляем к настоящему психологу».

Код для раненого солдата — «трехсотый», для погибшего — «двухсотый», а солдат, которые отказываются исполнять приказы, иногда называют «пятисотыми». Иван утверждает, что люди симулируют травмы, чтобы сбежать из окопов: «Постоянно такая хуйня происходит». Но он допускает, что этот уровень отчаяния может быть результатом психологического урона. Процесс определения, какие «пятисотые» отлынивают, а какие на самом деле, как выражается армейский психолог, «душевнобольные», довольно невнятен. Мало кому удается подойти под критерии, какими бы они ни были, и получить отпуск по медицинским причинам. При этом почти все ветераны получили не по одному сотрясению мозга, но, как сказал мне Кабан, «если мы все поедем лечиться, кто останется в окопах?»

Посттравматическое расстройство кажется на фронте не очень подходящим диагнозом, потому что травматические события все еще происходят. А вот отпуск может спровоцировать ПТСР. Опер, который побывал дома на крестинах дочери, сказал мне: «Психологически проще оставаться тут. Тяжело возвращаться из цивилизации обратно». Ночью, когда я был с командой СПГ-9, Кабан вспоминал, как ездил несколько месяцев назад в Одессу и словил там паническую атаку на выходе с вокзала. Нагромождающиеся друг на друга звуки — жужжащая толпа, рев машин, громкие звуки города — ощущались как волна потенциальных угроз.

Незнакомцы рылись в сумках, чтобы достать свои мобильники, а Кабан инстинктивно схватился за автомат Калашникова — и вдруг понял, что безоружен. Он заметил группу солдат, патрулирующих станцию, и бросился к ним, бледный и дрожащий. «Не волнуйся. — успокоил его солдат. — Тут такое постоянно происходит».

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

* * *

По крайней мере раз в день еще одна советская машина, БМП, приезжала к землянке Ивана и Опера пополнить их запасы. Ее прибытие запускало бешеную активность: разгружали ящики с боеприпасами, мотки колючей проволоки, коробки с

энергетиками и питанием. Солдаты, которым дали увольнительную, залезали на крышу, цеплялись за пушку или за что придется, и БМП с ревом уезжал.

В первый раз мы с фотографом Дондюком выезжали на таком БМП под обстрелом. Машина появилась в сумерках. «Все, бегом!» — крикнул Опер, который тоже ехал в Константиновку. Мы бежали от землянки по полю под свист пуль. «Быстрее! Быстрее, вашу мать!» — орал Опер на солдат, скучившихся у БМП. Прямо рядом с нами в воздухе разорвалась граната. «Быстрее! — вопил Опер. — Чего вы, блядь, ждете?» Как только мы выехали из зоны досягаемости РПГ, который оставлял клубы черного дыма, различимые даже в сумерках, по кругу передали сигарету.

Вечером после «гулянки» мы решили, что пора покинуть расположение части. Мы присоединились к мужчинам, которые стекались в землянку Опера, чтобы ждать там БМП. В землянке сидел Сява — он воспользовался *Starlink*, чтобы поговорить по видеочату с женой. Они смеялись над его клочковатой бородой и отросшими волосами, и Сява обещал «побриться нормально», когда они воссоединятся. На этот раз, возможно, из уважения к жене, никто не упрекал его за мечту о возвращении домой.

В какой-то момент пришел Одесса: он наконец согласился, чтоб с него сняли мерку для шлема. «Да он на тебе как кипа будет» — сказал Опер, дразня Одессу за размер головы. Когда я спросил Опера, всегда ли он был таким шутником, он ответил еще одной остротой: «Война кого хочешь сделает смешным». Для Опера уж точно такая не всегда уместная веселость оказывалась буфером между ним и ужасами

войны. В начале, когда еще не было никаких «пятисотых» и растерянных призывников, когда все были добровольцами, горящими идеей защищать родину, Опер командовал дюжиной невероятных храбрецов. Он любил их всех, и никто не выжил. Эта потеря сломала в нем что-то, и он больше не разрешал себе привязываться к подчиненным.

И все же та эмоциональная дистанция, которую выстраивал между собой и своими людьми Опер — или Кабан между собой и Кадетом, — ничто по сравнению с разрывом между фронтом и остальной Украиной. Война затронула всю страну, но никто не впитал ее ужас и страдания так, как пехота. При этом географический размах конфликта сокращается, а жестокость увеличивается, то есть от все меньшей части граждан страны требуют все больше страдать. Опер считает, что уклонистов нужно лишать гражданства, а трое детей — это не повод для брони. «Все должно быть наоборот, — говорит он. — Таким есть за что сражаться».

В окопах 28-й бригады к югу от Бахмута мы часто слышали отзвуки боев, и один из трех взводов Павло был переправлен для участия в сражении за город. Тысячи украинцев погибли в Бахмуте, а сам город превратился в выжженную пустыню, заставляя усомниться, действительно ли это того стоило. На этот вопрос предлагали несколько стратегических ответов: российских солдат погибло еще больше, отступление просто перенесет бойню в другой город, выгодно удерживать там российские силы, пока новые украинские бригады готовятся к контрнаступлению. Но Зеленский наделил Бахмут и символическим значением. Обращаясь к Конгрессу

США в декабре он провозгласил: «Как и битва при Саратоге, битва за Бахмут поменяет траекторию войны за независимость и свободу». В марте Зеленский сказал *Associated Press,* что если Украина сдаст город, Путин «почует нашу слабость» и «продаст эту победу Западу, своему обществу, Китаю, Ирану».

Это понятные соображения, но на фронте, в грязи и крови, слишком абстрактные. «Пехота с Первой мировой не поменялась, — говорит Опер. — Оружие, связь, логистика другие, но работа та же». И еще одно осталось неизменным: идея, что пехота будет делать свою работу, даже не всегда понимая, зачем она нужна. Когда неясно, как они вписываются в общие стратегические планы — и не жертвуют ли ими впустую, как считает Одесса про своих друзей в Херсоне, — пехотинцы бьются друг за друга. И тогда кампания за победу в войне начинает напоминать битву за выживание в ней.

Когда БМП подъехал к землянке Опера, я вылез к орудийной башне и сел рядом с 22-летним снайпером с позывным Студент. Я познакомился с ним на «нулевой» линии, когда он засовывал себе в уши обертки от конфет перед тем, как выстрелить из американской снайперской винтовки в сторону ничейной земли. Его выписали из госпиталя за две недели до этого, он был ранен в бедро. Теперь он ехал в Константиновку, потому что заболел гриппом.

Мы со Студентом обняли пушку, и БМП погнал по полям, выплевывая красные искры и черный выхлопной газ, то взмывая над непаханными бороздами, то проваливаясь в грязные воронки,

как корабль, плывущий по бурному морю. Вдалеке медленно падал зажигательный боеприпас, пламя танцевало на соседней борозде. Я надеялся напоследок повидаться с Павло, но днем раньше командный пункт батальона попал под обстрел, и солдаты рыли новый. Когда мы проезжали мимо старого расположения бункера Павло, я увидел, что сельский дом смят в лепешку. Но нарисованный знак «На Москву» все еще висел на дереве.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

* * *

Весна наступила практически за одну ночь — всего за несколько дней до моего отъезда с фронта: колокольчики и другие полевые цветы расцвели на стенках окопа, а овраг, ведущий к «нулевой» линии, покрылся кустарником. С этого момента грязь в Донбассе начала подсыхать, делая поля и дороги более проходимыми и подготавливая почву для долгожданного украинского контрнаступления. 11 мая глава «ЧВК Вагнер» Евгений Пригожин написал в соцсетях, что украинские силы под Бахмутом «заходят во фланги, и, к сожалению, в части мест это успешно у них получается». Одно из таких мест находится к югу от Бахмута, неподалеку от расположения 28-й бригады.

20 мая Пригожин объявил, что его наемники «полностью взяли весь город». Зеленский был в Японии на саммите *G-7* и во время пресс-конференции он одновременно отказался

признать, что город взят полностью, и назвал падение Бахмута Пирровой победой для России. «Бахмут существует лишь в наших сердцах, — сказал он. — Там все сровняли с землей. Лишь грязь и мертвые россияне». О мертвых украинцах он не упомянул, сказав вскользь: «Наши защитники проделали огромную работу, и мы благодарны им».

Когда мы двигались от линии фронта на северо-запад, к Киеву, мы проезжали через города и деревни, которые были освобождены осенью. Многие из них лежали в руинах. В Изюме российские силы оставили после себя массовые захоронения с сотнями гражданских, на некоторых телах были следы пыток. Шоссе соединяет Изюм с Харьковом, вторым по величине городом Украины и целью ковровых российских бомбардировок в первые месяцы войны. На южной окраине Харькова мы остановились на просторном кладбище.

Несколько лет назад под Аллею героев был отведен небольшой участок в задней части кладбища, там хоронили жителей города, погибших в Донбассе. К тому моменту, как Россия начала полномасштабное вторжение, этот участок был заполнен десятками гранитных надгробий. С тех пор число погибших росло так быстро, что новые могилы — это просто небольшие холмики земли.

Ветер трепал сотни украинских флагов, помечавших эти холмики. На некоторых лежали букеты, на других посадили цветы. Почва была не такая темная, как в Донбассе, но такая же мягкая и плодородная.

За шелестом флагов я расслышал знакомый звук: в конце кладбища четыре солдата сбрасывали лопатами землю в новую могилу. На них молча смотрели скорбящие. В нескольких метрах от них шли еще одни похороны. Гроб был открытым, в нем под шелковым покрывалом лежал мужчина средних лет в форме. Возможно, из-за того, что его должны были закопать те же четыре солдата, они работали с неуместной спешкой, втыкая в землю лопаты и швыряя ее в дыру, запыхавшиеся и потные. Они не рыли окоп, они его закапывали. Но копали они так, будто от этого зависела их жизнь.

Автор: Люк Могелсон

Оригинал: *Two Two Weeks at the Front in Ukraine*, *The New Yorker, May 22, 2023*

Перевод: Вера Нифлер

Translated with permission from The New Yorker.

1. Боевая разведывательная машина.

2. «Улица Гроув навсегда».